

19.01.98

# Свой собственный Григорий Кусочкин

Картины костромского художника относятся к жанру «наивного искусства».

Сам он называет их попросту «дураковинами».

Обществен. - 1998. - 29 янв. - 4 стр. - с. 14.



Явление Боженьки на партизанскую свадьбу

Дураковины Кусочкина легко разлетаются по свету — и по частным собраниям, и по галереям.

— Не жалко? — спрашиваю у него, — ведь у тебя почти ничего из сделанного не осталось. —

— Нет, — отвечает, — не жалко, я еще сколько хочешь нового и лучшего нарисую.

В Костроме время словно остановилось. Перемены в стране не принесли жителям ни покоя, ни сытости, ни порядка. Гришкины же картины радостью и добром дышат — вопреки всеобщему угрюмому выражению окружающих лиц.

Сам себе (поначалу) художник Кусочкин родился лет десять назад из пожарника Кусочкина. Произошло это в основании старинной Пожарной каланчи, действующей костромской достопримечательности. Рисовал он во время пожарных бдений и ночных дежурств, точно так же, как до этого писал стихи и прозу. По словам уважаемого критика Игоря Дедкова, в свое время костромича, Кусочкин «писал тумбочками». Он появлялся на совещаниях начинающих литераторов с чемоданом рукописей. Фантастические повести лежали вперемешку с историческими, фельетоны чередовались с час-

тушками и еще чем-то, зачастую и названия не имеющим. Позднее, когда к литературным опытам Гриня (для Костромы он не Гриша, не Григорий — Гриня) прибавятся живописные работы, все это обретет наконец свое общее название — «дураковины». Над Гриней по-доброму посмеивались молодые гениальные коллеги-литераторы, занеся его сразу и навеки в немногочисленный отряд обаятельных, но неизлечимых графоманов.

Печатать в местных газетах его не торопились, а потому вышел его первый рассказ в «Искателе» — журнальчике всесоюзном, крайне дефицитном по тем голодным на приключенческую литературу годам. Напечататься в нем считалось престижным для любого Члена Союза Самых Настоящих Писателей. В местной литературной среде от такого факта у Настоящих Писателей случилась легкая истерика. Гриня небрежно повел плечами и сказал, что у него таких рассказов да повестей еще несколько тумбочек дома лежит. С тех пор и рассказы его, и повести стали выходить в народ, но не в родной Костроме, а в изданиях столичных.

Дерево, посаженное вдали от сада, может дать плоды, если его поливать.

Жизненный опыт Действительного члена костромского клуба Дураков и Члена секции антибодибилдинга, фотографа и художника Гриня Кусочкина абсолютно неотделим от его творчества. Этому могут позавидовать многие — всю свою жизнь он делал и делает только то, что ему нравилось. Жил как нравилось. Пил когда и чего хотел. Пел частушки и рисовал улыбчивых мужиков да баб. А еще чертей и целую вереницу всякой небывальщины. И все, что в жизни знал и видел, стодилось ему для матерьяльца. Работал когда-то по молодости Гриня даже первым в СССР испытателем унитазных

смотрела фильм «Плюмбум». У Гриня после того фильма четверостишие родилось: «Однажды в студеную зимнюю пору/Шел Павлик Морозов отца продавать./Луна от стыда закатилась за гору,/А птички зерно перестали клевать».

После крамольного по тому 1987 году стиха-дураковины появился цикл картин на ту же тему. К счастью для Кусочкина, сочли его, где надо, «то ли за перепившего лишку, то ли за дурака». И в психушку Гриня не попал. Он попал сразу на всесоюзную выставку. Собственно, сам того не ожидая. Картины свои поначалу дарил налево и направо, а потом

еще. Тысячу картин нарисовал за десять лет примитивный и наивный Гриня.

Рассорив по свету тысячу своих картин, жить Гриня богаче не стал. Та же маленькая квартирочка под горой в центре Костромы, тот же старый холодильник и кухонный стол, на котором порою и разводит он краски. Жену — художницу по народному костюму — любит и ценит за терпенье. От похмелья лечится народным способом. И рисует. Хмурых лиц на картинах Кусочкина я не заметил ни у людей, ни у чертей, ни у окуней с крыльями, ни у задатых русалок. И еще: в его картинах очень много всего летающего. Летают бабы и мужики стаями да целыми деревнями. Летают без испуга и с удовольствием на лицах.

Гринин друг, француз, утверждает, что от этих картин исходит живительная сила. И очень они ему помогают, будучи развешенными у него в кабинете, во время всяких деловых переговоров. А в общем-то и у картин история порой бывает столь же забавная, сколь забавны и сами они. На одной из выставок представил Кусочкин триптих: «Благовещенье на сенокосе», «Благовещенье в бане» и «Благовещенье на партсобрании». И вдруг узнает — купили американские адвентисты «Благовещенье на сенокосе» себе вместо иконы. «Ох, да как же это! Там у ангела прямо на животе надпись — НЛО, да и на обороте, как обычно, частушка охальная: «Как над нашею деревней пролетало НЛО. Меня милка повалила и обшупала всего».

А собственно, и повесят адвентисты новую икону, и любоваться ею станут — что с того? Картины-то действительно добром и радостью дышат. Не случайно их с интересом рассматривают ребятишки. Повторить Кусочкина действительно, кроме него самого, могут только дети. Не в сути фантазий Гриня, разумеется. Скорее — в палитре его радостных, живых красок.

Александр АНДРУСЕНКО  
Кострома



Григорий Кусочкин

сидений и табуреток из отходов фанеры на местном фанерном комбинате. Это вам даже не летчик-испытатель! Потом этот его жизненный опыт пригодился народу во многих уголках необъятной нашей сантехнической Родины.

Первая картина стала его пороком к пятому десятку лет. Взял краски и нарисовал копию с картины Рериха. И вдруг решил: «То же могу!» И стал рисовать что в голову придет. А приходило много всякого чудного да все время разное. Поостепенившийся Гриня уже ни к писателям, ни к художникам за членскими билетами не ходил. Страна наша тогда

сами по себе появились и покупатели. И оказался Гриня на выставке в Москве, а академик Мясников ту выставку открывал.

Затем картины «наивного» художника поехали на выставку «Наивные художники мира» в Париж. А одна из дураковин Кусочкина украсила в Париже пригласительный билет той самой всемирной наивности. А другая дураковина оказалась среди иллюстраций в роскошном многомном собрании Библиотеки русского фольклора. Гуляют ныне его картины по галереям Германии и Испании, Швейцарии и Франции, Англии и Австралии, США, Канады и Бог весть где

Григорий